
Как-то — вдруг! — стал отец
мой похож на садового гномика.
На заре — «при дворе», свой
саманный редут сторожит.
Просигналит машина, пыля
по дороге у домика,
И на миг затухающий взор
старика оживит.

Он кивает солидно и руку
вздывает, ответствуя
На бог весть от кого,
но — ему! — мимолётный привет.
Не однажды вот так же с отцом
я здоровался, сетуя,
Что присесть на минуточку
рядышком времени нет.

Он остался один в нашей
общей семейной обители,
Пережившей сто бед.
Молчалив, неторопок, белёс.
А бывало, папаньку родного
мы только и видели!
— Как дела? Хорошо? —
и летит бригадир в свой колхоз.

У меня выходной, у него —
каждый день воскресенье.
— Как дела?
— Хорошо, — помолчав,
отвечает старик.

Машет слабой рукой, и,
дождавшийся благословления,
Мчитса в жаркую степь
за созревшим зерном грузовик.

В степи, в компании овечьей,
Как в жутком пекле русской
бани,
Согласно доле человечьей,
Мой дед безропотно чабил.

Смотрел, как чёрная овечка
Луч солнца прятала под шубой.
Нагрелась шерсть, свилась
в колечко,
Став к сентябрю густой
и грубой.

Любовно бабушка кудели
Руна разобранного спряла,
А к дням, когда пришли метели,
Носочки мама мне связала.
Крутя на плашки с «калачами»
В порядке пимокатных правил,
Отец — солёный пот ручьями! —
Мне чудо-валеночки справил.
Я лихо штурмовал сугробы,
Потом чилигой бил обужу
И куце пальтишко, чтобы
Прогнать злокозненную стужу.
Не брал меня мороз трескучий,
Не брал, хоть верьте,
хоть не верьте.

Грел руки-ноги солнца лучик,
Сплетённый с ниточками
шерсти.

Хранили валенки-носочки
Огонь огромной русской печки
И рук, запрятавших в клубочки
Кудряшки солнечной овечки.
Я вырос, лихо всунул ноги
В мейд-ин-заморские ботинки.
Но часто вспоминал в дороге
Из детства тёплые картинки.

У СТАРОЙ КАРТЫ

Детство, в домике саманном
уголок.
Ледовитым океаном —
в потолок,
Брат на гвоздь повесил карту.
В тот же миг
Я — за столик, как за парту —
ученик!

Сразу вдруг теплее стало
мне тогда:

Мир похож на одеяло —
вот так да!

По нему легко учиться,
например, —
Вот она, Москва, столица
Эс-Эс-Эр.

Тут же я, спасибо брату,
стал знаком
С итальянским франтоватым
сапожком.

Вот Австралии картина —
смех до слёз —
Как у куклы Буратино,
длинный нос!
Не обхватишь океанов
широты.

А на ней цветные страны —
лоскуты.

Наш на карте-одеяле —
красный цвет.
Ярче вы страну встречали?
Я вот нет.

Светом радостным объята,
широка.

И, как думалось, ребята, —
на века!

Лоскуты теперь другие,
там и тут.

Рвутся нити вековые.
Карты врут.

У меня в «друзьях» полмира.
Все придут — трещи, квартира!
«Друг» всегда мне ставит
лайки —

Класс! — где я верхом
на байке,

Класс! — где я в крутых очках,
Класс! — где с клюшкой
на коньках.

Друг идёт, уткнувшись
в гаджет,

На меня не смотрит даже...

Ох уж этот интернет!

Есть «друзья», а дружбы нет.

МОЯ КАЗАКИАДА

Казаковать пока решил я так:
Без пики, без коня, усов
и плётки.

Ненастоящий, в общем,
я казак,

Как встреча одноклассников
без водки.

Знакомые махнули в казаки.
Махну и я, как все,
а чем я хуже?!

Пойду на супостатские полки,
Лишь подпояшу ремешок
потуже.

Вы только мне скажите,
где враги!

Куда отсель погоним
басурманов?

Иль зря до блеска драю сапоги
И про лампас пою под звон
стаканов?!

Эй, казаки!
Я с вами всей душой —
Идти на вы, не набивать
карманы.

Жаль, прок от нас, ребята,
небольшой,
Покуда «сёдла» делят атаманы.

ВСЁ, ЧТО РОДИНОЙ ЗОВУТ

В дымке осени печальной
Над жнивьём родной земли
С песней тихою, прощальной
Вдаль поплыли журавли.
В песне, с крыльями большими —
Степь в тюльпанах, в звёздах пруд.
Птицы, птицы! Знаю, с ними —
Всё, что Родиной зовут.

До весны за журавлями
Над селом закрылась дверь.
Крик прощальный над полями
Эхом носится теперь.
Слышу, в общем-то, простое:
По плечу любой маршрут
Тем, которым не пустое
Всё, что Родиной зовут.

Нежность, верность и тревогу
Взяли странники в полёт.
То, что в дальнюю дорогу,
В путь обратный позовёт.
Жаль, письма с другого света
Нам от тех не принесут,
Без кого неполно это —
Всё, что Родиной зовут.

